

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Человек, который начал вести здоровый образ жизни, часто выглядит больным.

— Вава, что ты на меня уставился? — возмутилась Николетта.

— Показалось, что ты... э... — Я замолчал.

— Договаривай, — велела маменька.

Мой вам совет, если вы не знаете, что сказать, улыбайтесь и заводите беседу о подорожании всего и вся. Ваш собеседник вмиг примется возмущаться и забудет, о чем раньше говорил. Повышение цен, вот лучшая тема для смены темы беседы.

— Отвечай, — потребовала Николетта.

— Электричество нынче просто золотым стало, — заявил я, — про воду уже молчу.

— Для тех, кто не умеет зарабатывать, все дорого, — отрезала маменька. — Лично я не думаю о всякой ерунде.

Борис кашлянул, и я понял, что он маскирует смешок, да мне и самому тоже хотелось расхохотаться. Но я поборол это неразумное желание и не ответил Николетте: «Конечно, ты не рас-

страиваешься при виде счетов, ведь их оплачивает Владимир».

— Перестань уводить разговор в сторону, — продолжала тем временем моя мать. — Немедленно объясни, почему ты смотрел сейчас на меня, как мухобойка на таракана?

Я улыбнулся. Николетте свойственно обескураживать слушателей нелепыми и шокирующими выражениями, она может так обозвать человека, что только диву даешься. Не так давно я слышал, как госпожа Адилье назвала одну даму «шваброй с веером».

— И что? — тоном, не предвещавшим ничего хорошего, спросила Николетта. — Где ответ на мой вопрос?

Вот тут я понял, что испытывает мышь, которую загнали в угол. И как мне выйти из безвыходного положения? Если я скажу: «Ты похудела, а когда женщина твоего возраста неожиданно теряет вес, это повод обратиться к врачу», то непременно услышу гневные слова:

— Что ты имел в виду, говоря «женщина твоего возраста...»?

Ежели я скажу: «Я подумал, что ты заболела», тогда маменька заявит: «Я молодая женщина, поэтому здорова». С какой стороны ни посмотри, все плохо, Николетта точно устроит скандал. А кто виноват в том, что она закатит истерику? Я, Иван Павлович Подушкин. При виде матери я должен был прямо в прихожей восхитить-

ся: «Ты прекрасно выглядишь! Твоя новая шуба очаровательна». Ну и так далее и тому подобное. А что сделал я, когда матушка сбросила мантию? Честно говоря, я испугался. Николетта презирует полных женщин, гордится своей тонкой талией и тем, что весы всегда показывают ей одну и ту же цифру — сорок пять. Если маменька и ее заклятые подружки: Зюка, Люка, Кока, Мака, Дюка и Ньюка видят на каком-то суаре (для тех, кто не в курсе, это слово переводится с французского как вечеринка) девушку, которая носит сорок шестой размер, то все вышеупомянутые гиены в бриллиантах начинают беседовать театральным шепотом, а он, как известно, слышен даже на последнем ярусе балкона Большого театра.

— Боже! Как она умудрилась влезть в платье, которое так ей мало?

— Некрасиво, когда толстуха обтягивает свои жиры.

— Ей надо похудеть килограммов на десять, наверное, денег на липосакцию нет.

И так далее, и тому подобное.

На мой взгляд, Зюка, Люка, Кока, Мака и все остальные дамы прайда маменьки внешне напоминают пережаренных барабулек в платьях от лучших домов моды Европы и обвесившихся разнокалиберными драгоценностями. Но сегодня, когда Николетта вихрем влетела в мою квартиру, я увидел, что она потеряла сходство с этой рыбкой и смахивает на...

— Вава, — рявкнула Николетта, — отвечай!

— Мне показалось, что ты немного похудела, — осторожно сказал я правду.

Госпожа Адилье кокетливо выставила вперед ногу.

— Да, верно. А почему у тебя выражение лица, как у жабы, узревшей ворону?

Определенно не стоит говорить правду: «Потому что ты выглядишь как засушенный кузнецик, наряженный в костюм от Кристиана Диора и замотанный в бусы Шанель из настоящего жемчуга».

— Видишь ли, — начал я, и тут, на мое счастье, в столовой заорал мобильный.

— Прости, пожалуйста, — сказал я и, радуясь прекрасной акустике своей квартиры, выскочил из прихожей.

Не знаю, кто меня разыскивает, но я благодарен этому человеку от всей души.

— Привет, — произнес знакомый мужской голос.

— Володя, — обрадовался я, — Николетта у нас.

— Тогда не называй меня по имени, — быстро попросил отчим, — не надо ей знать, с кем ты беседуешь. У меня к тебе просьба! Огромная!

— Говори, если смогу, то непременно выполню, — пообещал я.

— Сегодня приезжает мой брат... — начал Владимир.

— Впервые слышу о том, что у тебя есть брат, — удивился я.

— Он от второго брака отца, — пояснил отчим, — и младше меня. Понимаешь, поселить Сергея мне негде.

Владимир очень богатый человек, для него нет проблем не только снять номер в гостинице, а весь отель купить. Но всякое бывает в жизни.

— У тебя проблемы с финансами? — пробормотал я. — Не волнуйся, объясни, где ты хочешь разместить родственника? Снять ему квартиру? Устроить его в гостинице? Я все оплачу.

— Спасибо, Ваня, — обрадовался муж маменьки, — с деньгами у меня все okay. Не okay с Сергеем.

— Он инвалид! — осенило меня. — Нет проблем. Я найду апартаменты на первом этаже с подходящим выездом из подъезда...

— Нет, нет! Физически он здоровее нас всех, — снова прервал меня отчим, — у него с головой беда!

— А-а-а, — протянул я, — шизофрения?

— Хуже, — вздохнул собеседник, — он эгзорист.

— Это что за болезнь такая? — опешил я и улышал в ответ:

— Глупость.

— Весьма распространенный недуг, — засмеялся я, — сам порой им страдаю.

— У Сергея особо запущенный случай, — вздохнул Владимир. — Отец наш никогда чадолобием не отличался. Женился он то ли семь, то ли девять раз. В советские годы так часто ходить в загс не запрещали, но существовало негласное распоряжение: больше трех браков одному человеку не оформлять. Справедливости ради отмечу, мало кто отваживался в четвертый раз заводить семью. Увидев кучу свидетельств о разводе, сотрудница загса объясняла жениху или невесте, что лучше хорошенько подумать, прежде чем ставить очередной штамп в паспорте, и вообще очередь на регистрацию брака аж на год! А поскольку стать супругами можно было только по месту прописки, то любители постоянно жениться-разводиться уходили несолоно хлебавши. Но папаше удалось многократно расписываться. Главное условие, которое он выдвигал своим избранницам: никаких детей. Моя мама решила иначе, поэтому рожала меня, уже имея статус свободной женщины. И Анна Петровна, которая потом появилась у отца, так же поступила. Наверное, остальные супруги вели себя иначе, потому что я знаю о наличии лишь одного единокровного брата. Я жил в Москве, учился в хорошей школе, поступил в институт. Существовала наша семья на копейки, но моя мама запретила сыну-студенту работать, сама вечно находилась в поиске денег. Анна Петровна же уехала в Подмосковье в деревню. Мы к ней на лето ездили,

мама и тетя Аня дружили. Попова была доброй, она нас бесплатно пускала жить, кормила, поила. Сергей учился в сельской школе, о вузе не думал. Образования у него нормального нет, но брат хорошо живет, к нему клиенты толпой шли и идут. Сергей эгрегорист! Не разрешай ему у себя дома эгрегорить! Выгони дурака.

— Это что за профессия? — поразился я.

— И с кем ты болтаешь? — спросила Nicolette, вбегая в гостиную.

— Пожалуйста, попытайся объяснить матери, что Сергей идиот, — скороговоркой выпалил Володя. — Он Nicolette на диету посадил, от нее уже и хрящиков не осталось.

— Вава! Перестань трепаться, — потребовала маменька, — слушай меня! Есть гениальный человек! Брат Володи! Сергей нас научит эгрегоризму! Это очень модно! Все сейчас эгрегорят!

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Боюсь, не смогу выполнить просьбу отчима, — сказал я батлеру. — Nicolette решила устроить шашу у нас. Ее муж избавился от брата, а мне не удалось отвертеться от визита Сергея.

Борис включил чайник и отошел к холодильнику.

— Чайник не работает, — сказал я.

Боря посмотрел на кухонный столик.

— Действительно.

— Наверное, вы забыли нажать на кнопку, — продолжил я пустую беседу.

Помощник стал исследовать электрочайник и вскоре заявил:

— Похоже, он умер!

— Не велика потеря, — не стал расстраиваться я, — можно новый приобрести, покупка нас не разорит. Неподалеку от нашего дома есть торговый центр. После того, как посетительница... Как, кстати, ее зовут?

— Татьяна Николаевна Димкина, — ответил батлер.

— Когда она уйдет, я схожу в магазин, — решил я.

— Лучше заказать чайник онлайн, — предложил Боря. — Клиентке я предложу кофе, дома у нас все кухонное оборудование в рабочем состоянии. Завтра получим заказ.

Я содрогнулся. Онлайн-покупка? Хватит с меня телефона, который я приобрел дистанционно в «Нидео-видео»¹. Второй раз не желаю ввязываться в подобную авантюру. Нет, нет и нет! Дураки учатся на своих ошибках. Теперь я сам отправлюсь в торговый центр, выберу то, что хочу, оплачу и принесу в офис. Больше я никогда не буду приобретать что-либо по интернету. Я не настолько глуп, чтобы второй раз наступать на те же грабли.

¹ О том, как Иван Павлович покупал мобильный телефон с помощью интернета, рассказано в книге Дарьи Донцовой «Чучело от первого брака».

— Звонок! — восторженно вскрикнул Борис и пошел в прихожую.

Я порыскал в кабинет и, войдя, посмотрел на часы. Татьяна Николаевна явилась точно в указанное время, не опоздала и не пришла раньше. Некоторые клиенты говорят:

«Специально прибыл к вам загодя, боялся опоздать, не хотел, чтобы вы меня ждали. Я воспитанный человек, берегу чужое время».

Но хорошо воспитанный человек приходит на встречу вовремя. Повторяю: вовремя! Это означает: не позже условленного часа, но и не за тридцать минут до него. Почему людей беспокоит только задержка во времени? На мой взгляд, появляться заранее тоже не следует. Два часа дня — это не час тридцать и не четырнадцать пятнадцать. Два — это два.

Дверь открылась, и в кабинет вошла женщина.

— Здравствуйте, Иван Павлович, — улыбнулась она, — я Татьяна Николаевна Димкина, я беседовала ранее с вашим помощником.

— Приятно познакомиться, — ответил я. — Кофе?

— Лучше чаю, если вас не затруднит. На улице такой холод! Хочется горячего, — призналась посетительница.

— С мороза лучше выпить капучино, — предложил я, памятуя о погибшем чайнике.

Татьяна села в кресло.

— Наверное, это вкусный напиток, но я его один раз в жизни попробовала и чуть не умерла от анафилактического шока.

— У вас аллергия на арабику? — изумился Борис, который тоже вошел в кабинет. — Впервые о такой слышу.

— И на робусту, и на все другие сорта, — сказала Димкина, — но таблетку от головной боли, в которой содержится кофеин, я принимаю без каких-либо последствий.

— Сейчас заварю для вас прекрасный чай, — пообещал Боря и ушел.

Татьяна сразу начала деловой разговор:

— У меня есть брат Яков, вернее, был. Пару недель назад он вместе с женой Ольгой и сыновьями погиб в селе Грунск, они все отравились угарным газом. Изба у них старая, денег на то, чтобы поставить котел и повесить батареи, не было. Да об отоплении не могло быть и речи, им порой на еду не хватало!

Татьяна откинулась на спинку кресла.

— Пожалуйста, не думайте, что Яша и Оля асоциальные элементы, алкоголики или наркоманы. Брат никогда не употреблял спиртное, не курил.

В комнате появился Боря с подносом.

— А вот и чай! Черный.

— Спасибо, — обрадовалась Татьяна, — о-о-о! Печенье, конфеты, яблочный пирог. Все выглядит аппетитно, но посмотрите на меня.

Кардиолог давно велел мне похудеть, да я и сама понимаю, что лишний вес губит здоровье. Но, грешна, люблю вкусно поесть. Это вы со мной по телефону беседовали?

Батлер улыбнулся.

— Верно. Пирог я сам пек.

— Следовательно, ваше имя — Борис, — сделала вывод Димкина. — Спасибо, Боря, за бисквит и все остальное, но лучше унесите его, а то я соблазнюсь. Хотя... маленький кусочек попробую. Крохотный!

Я счел вводную часть беседы законченной.

— Что привело вас ко мне?

Татьяна взяла чашку.

— До того, как на столике появились вкусоности, я начала говорить о Яше. Он яркий представитель племени борцов за правду. Как правило, членам этого сообщества приходится тяжело. Это они бесплатно принимают участие в разных митингах и демонстрациях. Подчеркну: с транспарантами борцы за справедливость ходят даром. Эти люди делятся по интересам. Одни защищают права животных, другие пытаются улучшить жизнь сирот, третьи добиваются бесплатных лекарств для больных. Однако есть и те, кто ввязывается во все дела, так сказать, многостаночники. И во всех мною названных категориях есть разумные или безумные представители. Умные понимают, что надо не только о справедливости во всем мире думать, но и о своей семье. Увы, остальные забывают о роди-

телях и детях. Яша из последних, биться за правду он начал в детстве. Наша мама в его школах дневала и ночевала. Яков дрался со старшеклассниками, которые обижали малышей. Если брат видел, что на контрольной кто-то списывает, он сразу поднимал руку и «сдавал» одноклассника. То, что он делал это открыто, не ябедничал тайком, не спасало его от гнева школьников. Яша сменил несколько школ. В последней перед выпускными экзаменами он сообщил в организацию, которая ведаёт школами, о том, что дети завуча и директора получают завышенные отметки. Нагрязнула комиссия. Вас удивит, что Димкин получил аттестат со всеми тройками?

— Нет, — вздохнул я.

Татьяна кивнула:

— Продолжаю. Во время вступительных экзаменов в институт Яков ухитрился попасть на прием к ректору и сообщить, что у секретарши декана факультета, куда он хотел поступить, есть список абитуриентов, которым помогут на экзаменах получить отличные оценки. Угадайте, попал Яша на первый курс?

На этот раз ответил Боря:

— Нет!

Татьяна тяжело вздохнула.

— С большим трудом Яша выучился на шофера. И началась его кочевая жизнь с одной работы на другую. Наверное, не стоит объяснять, по какой причине мой брат нигде не задерживался.

Он не имел уникальной профессии, но мог бы отлично устроиться, стать персональным водителем у высокого начальника. Я ему ставила в пример Макса, сына маминой подружки. Он с Яковом одного возраста, тоже отслужил в армии, возил там какого-то генерала, старался как мог: огород вояке на даче вскапывал, жену его на рынок сопровождал, сумки ее пер, собаку к ветеринару таскал. И что вышло? Когда Макс отслужил, генерал его к себе взял. А после смерти военачальника его сын уже успел бизнес поднять. Максим теперь член его семьи, имеет приличный оклад, подарки, квартиру ему купили, всю жизнь он на одном месте, хозяев любит-уважает, и они к нему прекрасно относятся. Яша же...

Татьяна отвернулась к окну.

— У меня швейное производство, да не одно. Одежду на заказ шьем, корсетное и постельное белье. Замуж я не выходила, детей у меня нет. Это осознанный выбор. Я крестная мать Насти, дочери Якова. Помогала всей его семье, одевала-обувала детей, но никогда не скрывала, что Настя моя любимица. Мальчишки, если умно себя поведут, всегда в жизни устроятся, а вот девочке намного сложнее. Поэтому все, что я имею, завещаю Анастасии, но надеюсь еще долго прожить, устрою ее в вуз, квартиру куплю.

Татьяна доела кусок пирога и взяла второй.

— Якову очень с женой повезло. Оля — дочь дьякона, Андрей Алексеевич служил в храме, ко-

торый неподалеку от Грунска находится. А его сын Федор, брат Оли, там настоятель.

Димкина посмотрела на Бориса:

— Простите мою наглость вкупе с обжорством, от пирога не могу оторваться. Можно еще чайку?

— С удовольствием, — улыбнулся Борис и вышел.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Когда он вернулся с полным заварочным чайником, Татьяна продолжила:

— Яша несколько раз пытался ухаживать за женщинами, но они быстро понимали, с кем имеют дело, и разрывали отношения. Я думала, что брат останется одиноким. Ну кому нужен мужик, не имеющий образования, стабильной работы, денег, собственного жилья и перспектив? Ценность такого жениха на брачном рынке равна даже не нулю, она стремится к отрицательным цифрам. Минус сто? Тысяча? Мне по завещанию досталась квартира покойных папы и мамы. Якову — дача. Он ее продал, куда деньги дел, неведомо. После смерти наших родителей брат жил за мой счет, перспектива содержать его до старости никак меня не радовала. И вдруг он познакомился с Олей. Она с детства приучена к трудной жизни, ее отношение к материальному благополучию не такое, как у людей вне церкви.

Все мечтают о больших деньгах, всем их не хватает, а Оля говорила:

— Сколько надо, Господь даст!

Она всегда улыбалась, никогда не торопилась, но все успевала, ни на кого не злилась, никому не завидовала. Детей четверых родила. Огород, куры, коза — все было на ней. Яша ничего не делал по дому, жил царем, в такси работал, копейки получал. Другая б женщина своего супруга-лентяя веником на заработки погнала. А Оля радовалась: все здоровы, вот оно, счастье.

Димкина сложила руки на груди.

— А уж как я была довольна! Папа умер первым, он маме велел: «Объясни Танюшке, что Яшке надо вон гнать, упаси Господь ему денег давать или чем-то иным помогать, братец ей на шею сядет. Парень только и умеет что на всех жаловаться». Но я брата не могла на улицу выставить, Оля стала моим спасением. После того как Яков остался без дачи и без денег, он женился и поселился в Грунске. Зачем я к вам пришла? Поговорите с отцом Федором, братом Оли. И ему, и мне кажется, что семья угорела не случайно.

— Хорошо, — согласился я, — дайте нам номер телефона священника.

— Он внизу, в моей машине сидит, — объяснила Татьяна.

— Что же вы его оставили, — упрекнул Димкину Боря, — пусть поднимается.

Татьяна вынула телефон.

— Сейчас позову. Я договаривалась только о своем визите и не знала, как вы к русской православной церкви относитесь, вдруг попов не любите.

Перед моими глазами появилась матушка Амвросия. Вот она, закутанная в тонкую кацавейку и обутая в старые туфли, стоит у ворот своего монастыря и говорит мне:

— Ванечка, ты все подарки даришь, то жилеты теплые купил, то обувь зимнюю, аж по три пары каждой из нас привез. Спасибо тебе за заботу, но монахиням столько вещей не надо. Ты другой презент сделай. Исповедуйся, на литургии постой, под причастие подойди, вот нам будет праздник-то!

Я вздохнул и ответил Димкиной:

— В храм я не хожу, но к верующим любой конфессии и к тем, кто в притче церковном и монашеском звании, отношусь с большим уважением.

Тут раздался звонок в дверь, и вскоре Боря ввел в кабинет невысокого худого мужчину с бородой, одетого в темные брюки и черный свитер. На священника он, по моему мнению, никак не походил, скорей на айтишника, вынужденного оторваться от любимых ноутбуков.

— Разрешите угостить вас чаем? — спросил я.

— С удовольствием, — ответил Федор.

— Пирог попробуй, — посоветовала Татьяна.

— Я будто в ресторан попал, — улыбнулся Федор и посмотрел на меня.

Я вздрогнул. Глаза у Федора были как у ма-тушки Амвросии, бесконечно добрые, ласковые, какие-то неземные. Мне всегда трудно смотреть прямо в глаза Амвросии и игуменье Елизавете, потому что сразу понимаю: я вовсе не добрый и не очень хороший человек, не смотрю на мир как ребенок, который ни в ком и нигде не видит зла.

— Сообщи детективам то, что мне говорил, — попросила Татьяна.

Федор кивнул и начал рассказ:

— Яков был хорошим человеком, вот только в храм не особо часто ходил. Оля знала, что силой никого на службу приводить не следует. С мужем она не спорила, принимала его таким, каков он есть. Неладно осуждать человека, но я просто говорю правду: на момент знакомства с моей сестрой ее жених в церковь раз в год заглядывал: на Пасху. Но Яков согласился венчаться. Я тогда обрадовался, решил, что он к Богу повернулся. Но потом понял, что он это сделал...

Федор замолчал.

— Яша хотел понравиться Оле, — подсказала Татьяна.

— Я тоже так сначала решил, — согласился брат погибшей Ольги, — но... потом мысли у меня такие возникли. Брак — совместная работа двух человек. И муж, и жена должны постараться, чтобы счастливая семья образовалась. Вдвоем! Что будет, если телегу с одного края нагрузить, а второй пустым оставить?

— Далеко она не уедет, перевернется, — ответил я.

Федор кивнул.

— Вот и в браке так же. Есть женские и мужские обязанности. Если на плечи слабой половины взвалено все: домашние дела, дети плюс добывание денег, и работа у нее не по велению сердца, а из-за необходимости кормить семью, то ничего хорошего не получится. Вступая в брак, мы берем на себя ответственность за жену и деток. Супруга — нежный цветок, она слабее тебя физически, ее надо утешать, хвалить, говорить о своей любви. И, конечно, проводить время вместе. У Оли все было иначе. В церковь она ходила одна, потом с детьми, муж до полудня спал. Домашние заботы лежали на плечах сестры. Яков никогда воду из колодца не приносил, посуду не мыл. Один раз у Оли случился гипертонический криз, давление за все пределы зашкалило. Спасибо Тане, она сразу детей к себе забрала, мне позвонила:

— Федя, Олечка лежит, давление двести на сто. «Скорая» приезжала, уколы сделали, хотели ее в больницу увезти, да она наотрез отказалась, врач велел лекарства пить и не вставать. Лежать ей надо. Ребята у меня.

Я после службы к сестре поехал, вошел в дом, там пусто. Насторожился, вдруг ее-таки положили в клинику. И слышу скрип. Вышел во двор... Оля тащит баклажку. Я кинулся к ней, отнял бидон на колесах, отругал:

— Что тебе доктор велел? В постели лежать. А ты?

Оля начала оправдываться:

— Воды нет. С утра я не могла привезти, коза пить хочет, да и дома ведра пустые.

— Где Яков? — спросил я, прекрасно зная, что зять таксист, сам себе хозяин, на работу по своему желанию выходит.

— Он к Тане уехал, — сообщила сестра, — с детьми ей хочет помочь!

— Ребята тогда были уже школьниками, — взвилась Димкина. — Федя не способен никого критиковать, а я могу! Яша ко мне заявился, потому что Оля, которая единственный раз в жизни заболела, обслуживать его не могла, обед не сварила. Брат мне позвонил: «Помоги, забери детей». Я прилетела, ребят в машину посадила, а брат с нами отправиться решил, бросил жену больную одну. И что? Он поел и спать лег. Я его растолкала, велела домой ехать и услышала в ответ: «Ольга плохо себя чувствует, вдруг я заражусь?» Ага! Гипертонией! Короче! И у Федора, и у меня одна мысль возникла. Я как только пепелище увидела, решила: брат на кого-то кому-то пожаловался. Сообщил о каких-то нарушениях. За правду в очередной раз боролся!..

— Танюша, — остановил ее Федор, — не нервничай.

— Ты всех оправдываешь, в каждой навозной куче жемчужину найдешь, — пошла вразнос

Димкина, — а я не святая, как ты. Яше на всех наплевать было, на Оле он женился, потому что я его, дармоеда, из квартиры выгнала, надоел мне нахлебник. Детей в семье столько, потому что Якова они не интересовали, ему без разницы было, сколько их, хоть двадцать. Не думал он о том, как их прокормить, одеть, выучить. Федя! Немедленно рассказывай, как к тебе в храм мужик пришел. Хватит мямлить, открой рот и говори!

Брат покойной Ольги встал, подошел к креслу, где сидела Димкина, и погладил ее по плечу.

— Тебе сейчас тяжело.

— Вовсе нет, — отрезала Татьяна, — я очень рада, что нет братца, который постоянно ныл и врал: «Дай денег в долг, надо за дополнительные уроки английского в школе платить». Сначала я, глупая, отсчитывала тысячи, потом проверила: правда ли в сельскую убогую школу репетитор из Москвы приезжает? Нет!!! Лгал Яша. Зачем? Хотел в Москве в кафе сходить, вкусно поесть! А карман-то пустой!

Татьяна задохнулась и замолчала.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Федор сделал глоток чая.

— Прекрасно заварен, спасибо. Таня взволнована, она добрый человек, нет в ней зла, она помогала Оле. Настя полностью на иждивении крестной матери находилась.

Федор на секунду замолчал и продолжил:

— Оля была очень тихая. Подруг никогда не имела, с парнями не гуляла. Отец стал переживать, что дочь замуж не выходит. Один раз Андрей Алексеевич в сердцах воскликнул:

— Если до тридцати в старых девах засидишься, то иди в монастырь. Я тебя содержать не намерен.

Оля училась на портниху в Москве, отец надеялся, что она в столице супруга найдет, но нет. Сестра вернулась в Грунск, брала заказы, шила всякое-разное, руки у нее были умелые. А потом Андрей Алексеевич привел в дом Якова. Где они познакомились? Не знаю. Димкин был видный, красивый, обходительный. Сестра сразу влюбилась. Яша Оле подарки приносил, то платок, то цветы, то конфеты, с Андреем Алексеевичем подружился. Отец ему всякие поручения давал. Я сначала обрадовался, что нашелся сестре муж. И пока отец был в семье главный, все хорошо шло, свадьбу сыграли, с Татьяной познакомились. А вот после похорон Андрея Алексеевича Яков перестал жену подарками радовать.

Федор опустил голову.

— Я понял, что любви у Якова к моей сестре нет. Просто он родительское наследство спустил, жить ему было негде. Куда деваться? Вот только до сих пор я недоумеваю: почему наш отец к Якову как к сыну относился? Может, так хотел дочь замуж выдать, что как следует в женихе не разобрался?

— Федя, — остановила его Татьяна, — ты лучше расскажи про того мужика!

— В храм наш пришел незнакомец, — послушно начал брат Ольги, — я стоял у свечного ящика, когда он подошел и поинтересовался:

— Эй, где тут священник?

Галя, которая записки принимает, ответила:

— Отец Федор около вас находится.

Мужик резко отреагировал:

— Отец у меня один был, он умер давно. Вениамином Андреевичем меня зовут. Скажите, Федор, где ваш зять скрывается?

Галина поняла, что разговор будет неприятный, и со словами:

— Ох, совсем забыла, надо в кладовке прибрать, крикнете мне, батюшка, если что, — живо убежала.

Мы остались вдвоем, я ответил гостю:

— Я живу в Лебедитине, сестра в Грунске. Давно к ней в гости не заезжал. Якова не видел. Предполагаю, что он или на работе, или дома. Зачем ему скрываться?

Вениамин Андреевич зашумел:

— Затем, что он взял у меня под свое честное слово полмиллиона, расписку оставил, обещал выплачивать долг ежемесячно и пропал. Я поверил ему, он у меня работал, вроде честный человек. А что вышло? Наличные взял, и тью-тью. Думал небось, что Вениамин богатый, ну что ему пятьсот тысяч? Сумма для меня невелика, но я

никому деньги не дарю! Знаю, что паразит женат на вашей сестре. Если не хотите скандала, верните его долг!

Я понял, что очень плохая беседа намечается, и попросил:

— Разрешите водички себе налью, мы все обсудим.

Потом отошел к бачку, включил диктофон в телефоне, мне его недавно один благотворитель подарил. Подумал, если собеседник начнет ругаться, запугивать меня, то останутся его угрозы на записи. Вдруг она понадобится? Вернулся к гостю и попытался его вразумить:

— Вениамин Андреевич, я не располагаю такими средствами и у вас ничего не брал.

Мужчина рассердился.

— Попы богатые, последние деньги у старух отнимают, свечки им продают. У вас на пузе крест золотой болтается, продайте его. Небось дома в чулке миллиона три хранится. Хорош убогим прикидываться. Твой зять мне бабки не возвращает! Отдавай долг.

И чуть ли не в драку полез. В храме кулаками махать негоже. Я попытался дело миром решить, предложил:

— Давайте выйдем во двор, там продолжим беседу.

А он схватил церковную кружку и закричал:

— Не знаю, сколько там денег, но заберу. С паршивой овцы хоть шерсти клок.

Утварь, куда прихожане малые средства кладут, когда записки подают, свечи берут, металлическая, тяжелая. Если такой по голове ударят, можно травму получить. Ладно, меня он, допустим, с ног собьет, но я же в храме не один, еще Галя здесь. А ну как он на слабую женщину нападет, а я буду на полу без сознания? Решил, лучше смириться с потерей кружки, чем церковь дракой осквернить. Но неожиданно появились наши певчие, крепкие парни, спортсмены. Они сразу поняли, что неладное происходит, схватили Вениамина, унесли его, в прямом смысле слова, во двор, через какое-то время вернулись, кружку на место водрузили, спросили:

— Батюшка, он кто?

Я ответил им:

— Назвался Вениамином Андреевичем, сообщил, что муж Ольги взял у него большую сумму и не отдает. Пришел почему-то требовать долг с меня, а я ничего об этих деньгах не знаю. Мы с матушкой Ириной живем по средствам, я летом на велосипеде езжу по делам, зимой пешком хожу, супруга тоже. Дети у нас, спасибо прихожанам, которые вещи своих ребят отдают, одежды-обуты. От голода не страдаем, огород есть, заготовки на зиму делаем. Супруга кондитер по образованию, торты-пирожные на заказ печет. Живем не тужим, в долг денег никогда не берем. Как да что в семье у сестры и зятя, я не знаю. Но